

УДК 903.7

ЛАНДШАФТ ХОРЫ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ: САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2019 г.

Н.В. Кузина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

kuzina-natalia@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2019

На территории Крымского Приазовья раскопано около десятка разновременных сакральных комплексов. Локализация общественных святилищ, их соотнесение с примечательными природными объектами определялись распространёнными среди сельского населения архаическими представлениями о модели мира и необходимостью её воспроизведения в данном пространственно-временном континууме. В сакральных реалиях Крымского Приазовья природные объекты, отмеченные ритуальными действиями, и сопутствующие им сооружения выступали в качестве пограничных маркеров, символических «Центров» локального микрокосма, структурирующих пространство в его горизонтальном и вертикальном делении. Сакральные объекты, маркировавшие возвышенные плато морских мысов и сопок, а также гроты, расселины, ущелья наделялись функциями медиаторов, соединяющих мир неба, земли и хтоническую сферу, а также выступали в качестве пограничных маркеров в системе деления пространства в горизонтальной плоскости на обыденное, освоенное и неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания.

Ключевые слова: святилища, Крымское Приазовье, модель мира, Боспор, хора, топография, сакральное пространство.

В специальных работах неоднократно подчеркивалась значительная роль природного фактора при выборе места для возведения храмов или святилищ [1, с. 526]. Вместе с тем в области сакральной топографии не проводилось дополнительных изысканий, кроме непосредственного знакомства с тем или иным ландшафтом. Такая ситуация характерна и для периферии античного мира – Северного Причерноморья и Боспора, в частности. Исследователи, объясняя особенности локализации сакральных комплексов, прежде всего констатируют следование уже сложившимся в эллинской религиозной практике традициям, освещенным в письменных источниках (Павсаний, Геродот). Вместе с тем феномен устойчивости такого рода традиций в сакральных реалиях Боспора и, в особенности, боспорской хоры, удаленной от городских центров, заслуживает отдельного внимания. Анализ топографии коллективных сельских святилищ даёт возможность проследить особенности восприятия природно-географического пространства, его взаимосвязь с отдельными аспектами мировосприятия населения Крымского Приазовья античной эпохи.

Интерес к темам, связанным с изучением сакрального мировоззрения сельского населения Боспора, появился сравнительно недавно, по причине практически полного отсутствия источниковедческой базы. Проводимые с 50-х гг. XX века на территории Крымского Приазовья археологические исследования (И.Т. Кругликова, А.А. Масленников) позволи-

ли выявить новые, связанные с сакральной сферой объекты. Значительная и наиболее представительная их часть расположена на территории Караларского побережья (рис. 1). Здесь раскопано около десятка разновременных сакральных комплексов, располагавшихся как обособленно, изолированно, так и внутри поселений [1, с. 1–564]. Особое внимание уделено так называемым «зольникам» – холмообразным насыпям и зольным сбросам, насыщенным находками как утилитарного, так и сакрального характера. В разной степени раскопано несколько зольников около поселений на мысе Зюк (1979–1984 гг., объекты конца VI – первой трети III в. до н.э. и сер. III в. до н.э. и первой трети VI в. н.э.), Генеральское – Западное (с V в. до н.э.), Сиреневая бухта (1999, 2013–2015 гг., объекты датируются последними веками до н.э. – VI в. н.э.), Бакланья скала (конец IV – первая половина III в. до н.э.), на урочище Куль-Тепе (первые века н.э.). Исследованы зольные холмы, расположенные внутри застройки поселения Генеральское – Западное (IV–III вв. до н.э.), продолжают исследоваться зольники на поселении Сююрташ (Золотое – Восточное, 1991–1992, 2010–2015 гг.) [2, с. 376–398]. В разной степени изучены сакральные комплексы (теменосы) вблизи поселений Генеральское – Восточное (1986, 1991–1992 гг., вторая половина III – III в. до н.э.), городища Сююрташ (Золотое – Восточное) (2006 г., вторая треть III в. до н.э. – рубеж эр), а также выявлены и раскопаны отдельно стоящие сакральные постройки близ городища Зелёный

① - известные сакральные объекты ★ - обследованные объекты

Рис. 1. Карта северной части Керченского полуострова (Крымское Приазовье) с указанием известных сакральных объектов (1 – мыс Зюк; 2 – Полянка; 3 – Чокракский мыс; 4 – Зелёный мыс; 5 – Сиреневая бухта; 6 – Генеральское – Восточное (плато); 7 – Генеральское – Западное; 8 – Куль-Тепе – Восточное (курган, зольник); 9 – Ущелье ведьм; 10 – Сююрташ, грот на вершине; 11 – Салачик; 12 – Бакланья скала (дано по: Масленников А.А., 2007, с. 8)) и обследованных в 2016 г. объектов (1 – башня Казан II; 2 – грот на поселении Золотое – берег; 3 – Сююрташ, теменос на северном плато, грот в бухте; 4 – объекты к востоку от Чокракского вала (зольник, курган))

мыс, два святилища на границах поселения Полянка (2010 г., 2012–2013 гг.) [3, с. 228–247; 4, с. 213–226]. Исследованы сакральные комплексы, расположенные *внутри застройки* поселений Полянка (1984–1987 гг.) [5, 21–151], усадебного комплекса Генеральское – Западное. Среди природных объектов, сохранивших следы ритуальных действий, отметим грот на вершине горы, близ поселения Сююрташ, открытый в 1992 г. и полностью раскопанный в 2005 г. [1, с. 351–371]. При всей интерпретационной сложности, материалы святилищ весьма информативны и отражают не только содержание ритуальной практики, но и отдельные аспекты мировоззрения обитателей сельских поселений Крымского Приазовья, в том числе особенности восприятия природно-географической среды.

Обратимся к краткой палео- и современной природно-географической характеристике района исследования. Крымское Приазовье, в целом, охватывает побережье Азовского моря, древней Меотиды, начиная от входа в Керченский пролив (на востоке) и заканчивая Арабатской стрелкой (на западе). В «глубину» оно простирается примерно на 1–5 км. Караларское же побережье, где располагаются все исследуемые в последние годы памятники, включает его участок от мыса Кара-Тобе или Чокракского озера (на востоке) до Казантипского залива

(мыс Чегене) на западе протяжённостью около 25 км. Местный рельеф отмеченной территории сочетает две основные составляющие: скалистые, иногда весьма протяжённые поднятия участков побережья и столь же значительные по площади низменные пространства – бухты и лагуны. Специфика Крымского Приазовья заключается также и в том, что именно вблизи него располагается так называемый Южно-Азовский тектонический разлом, что делает этот район весьма сейсмоактивным. Целый ряд археологических наблюдений, свидетельства источников о землетрясении 63 г. до н.э. позволяют говорить о том, что здесь были возможны колебания силой до 8–9 баллов [6, с. 36–37]. По своим последствиям такие природные катастрофы могли сказаться на особенностях исторического развития как данного района, так и полуострова в целом. Важное место в топографии изучаемого района занимают водные источники. Большинство грунтовых вод, в нескольких местах выходящих на поверхность, засолены и загрязнены сернистыми соединениями (балка Серная, источники урочища Сююрташ). Местами такие источники соседствуют с сопками грязевых вулканов, сохраняющими свою активность и в настоящее время (например, грязевые вулканы урочища Сююрташ). Судя по многочисленным и долговременным

наблюдениям исследователей (А.А. Масленникова) над состоянием прибрежных античных памятников, боспорские греки при основании своих поселений в полной мере учитывали природно-географический фактор, что в первую очередь нашло отражение в выборе мест для возведения объектов жилого, хозяйственного, сакрального и иного назначения. Более того, все прибрежные поселения и отдельно расположенные объекты, но связанные с поселенческими структурами, размещались на высоких, устойчивых по своим геологическим характеристикам мысах и участках. Что касается природно-географической среды в целом, то с известными оговорками можно допустить, что в античное время она соответствовала недавнему прошлому: рубежу XIX–XX веков [7, с. 10–19].

Эмпирические данные, полученные в ходе полевых археологических исследований (разведок и раскопок), показали, что в контексте сакральной топографии особая роль отводилась вершинам сопков, гротам, мысам вблизи поселенческих структур, учитывалось и то, как воспринимался окружающий объекты ландшафт. Выбор места для сооружения культовых объектов обуславливался и эстетикой местности, её экспрессивностью, и религиозными переживаниями. Очевидно, в этой связи имели значение и культовые, и мифологические традиции [8, с. 100–101]. Согласно данным античных авторов (Павсаний, Геродот), горы, вершины посвящали Зевсу, Артемиде, Афине, Аполлону, Деметре, Коре. Мысы и полуострова оказывались связанными с Ахиллом, Посейдоном, Гераклом, Аполлоном, Афиной. Острова – с Ахиллом, Посейдоном, Аполлоном, Зевсом, Афродитой. Ущелья, пещеры, гроты почитались в контексте культов Аполлона, Деметры, Керы, Посейдона [1, с. 526; 8, с. 100]. С культовой практикой связываются источники пресной воды, рощи, скалы (Paus, I, 1, 1, 3; 5, 4; 12, 5–6; 32, 2, 7; 41, 7; 44, 8–10; II, 2, 8; 35, 4; 4, 6–7; III, 24, 8; VI, 20, 2; VIII, 38, 2–11; X, 4, 3–4. Apul. Flor. I. Xenoph. Memor. III, 8.10). В основе сакрализации природно-географических объектов лежат древнейшие представления, восходящие к первобытным анимистическим религиозным воззрениям, которые являются элементом любой религии. В контексте боспорских реалий консервации архаических черт в религиозных воззрениях населения Северного Причерноморья древнейшие пласты в сакральной практике сохраняли своё длительное бытование. Кроме того, места поклонения божественным силам, маркирующие сакральное пространство, являются важными элементами в формировании модели мира и её воспроизведении в данном пространственно-временном континууме.

С гомеровских времён деление пространства осуществлялось в горизонтальной плоскости на пространство обыденное, освоенное, заселённое людьми, упорядоченное, осознанное, подчинённое собственным жизненным ритмам, воспринимаемое как микрокосм, и на противопоставляемое ему пограничное, неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания, уподобляемое Хаосу, царству мёртвых [9, с. 27–28; 10, с. 148–149]. В вертикальном членении пространство (Космос) делилось на три уровня: верхнее мифологическое, земное и нижнее мифологическое [10, с. 149–150; 11, с. 216–218].

Всякий микрокосм включал в себя то, что М. Элиаде называет «Центром», где священное проявлялось всеобъемлющим образом. В мифической географии священное пространство – пространство по преимуществу реальное, где сакральное воплощается в виде культовых сооружений, атрибутов и проявляется посредством символов (ось мира и её воплощения). В контексте трёхчленного деления Космоса на Небо, Землю и преисподнюю, «Центр» находился в точке пересечения этих областей. Здесь происходили разрыв уровней и, в то же время, становление связи между ними [9, с. 31–32; 10, с. 148–149]. В восприятии человека, наделённого архаическим (мифологическим) сознанием, географическое пространство и конституирующие, заполняющие его объекты выступали частью этой модели мира. В числе таких «организующих» и «сакрализующих» пространство объектов, помимо прочего, оказывались и святилища, которые могли выступать в качестве символических проекций условного «Центра» микрокосма [12, с. 234], звеньев, конституирующих связи внутри горизонтального и вертикального членения пространства. Предположим, что и открытые в Крымском Приазовье сакральные комплексы, и соответствующие им природные объекты выступали в качестве символических проекций Центра микрокосма, связующих звеньев, конституирующих связи внутри горизонтального и вертикального членения пространства.

Обратимся к анализу семантики сопков, возвышенностей, скалистых мысов и гротов в контексте сакральной практики Крымского Приазовья. На возвышенных плато расположена большая часть исследованных комплексов, среди них наиболее примечательные: теменос близ городища Генеральское – Восточное, святилища в окрестностях поселений Золотое – Восточное (вторая треть III в. до н.э. – рубеж эр) и Золотое – Восточное в бухте (рубеж эр – первая треть III в. н.э.) и на границах поселения Полянка

(II–I вв. до н.э.). Адресаты обрядов, совершавшихся в этих и других сакральных комплексах, в основном женские божества, воплощающие плодородные силы природы, – Афродита, Деметра, Кора, Кибела, в первые века нашей эры синкретическое верховное женское божество и их паредры, среди которых символизирующие цикличность природы Аттис, Дионис, Геракл, конное божество (Аттис, фракийский всадник) [1, с. 67–408; 13, с. 228–248]. Некоторые комплексы не обладают ярко выраженной культовой персонификацией (например, одно из святилищ на плато вблизи поселения Полянка). Однако и в этом случае тема плодородия являлась ведущей [4, с. 213–226; 1, с. 207]. В культах упомянутых выше божеств преобладали хтонические черты, которые в сакральной практике не только сельского, но и городского населения сохраняли длительное бытование, что было обусловлено как общей тенденцией к архаизации, присущей боспорской религии, так и причинами политического, социально-экономического характера, а также природным фактором. Сокрушительные палеосейсмические катастрофы в истории Боспора имели место в IV или начале III вв. до н.э., I в. до н.э., II и середине III в. н.э. [14, с. 251], их последствия нередко усугублялись экономическими, социальными, политическими кризисами и войнами. В религиозной жизни в периоды дестабилизации и природных катаклизмов происходило усиление сотерических функций богов, обещавших бессмертие и возрождение [15, с. 236–241; 16, с. 85–93].

Отметим также, что в представлениях эллинов древнее Северное Причерноморье, как и все дальние земли, ассоциировалось с местом обитания хтонических сил. С гомеровских времён земли, где проживали киммерийцы (Ном. Од. XI, 13; 14), мыслились как пограничная территория, отделяющая мифический мир от профанного, место, откуда приходила ночь (Ном. II. XIII, 240–241), где находится вход Аид и Тартар [10, с. 218; 15, с. 172–177 и сл.]. Освоение чуждого пространства, ассоциировавшегося с Хаосом, в сочетании с нестабильностью существования, усиливали потребность в божествах с апотропеическими функциями, стоящих на грани миров, способных проникать в мир как живых, так и мёртвых [17, с. 6–7]. Такими функциями обладали практически все упомянутые выше мифологические персонажи. Кроме того, отметим также среди почитавшихся и божеств, изначально обладавших универсальной, космической сущностью. К числу таковых относилась Афродита. Как отмечает А.Ф. Лосев, идея космической Афродиты никогда не умира-

ла в античности [18, с. 65]. Этот аспект в почитании богини пользовался популярностью на Боспоре и получил там оригинальное и долговременное развитие. Как показывают материалы боспорских сакральных комплексов и некрополей, культ Афродиты, олицетворявшей стихии неба, земли и воды, был популярен среди боспорян в период правления династии Спартокидов и достиг своего расцвета в первые века нашей эры [19, с. 293–309; 20, с. 137–145]. Атрибуты, связанные с почитанием этой богини, неизменно присутствуют среди приношений в сельских святилищах (терракоты, морские раковины) [1, с. 117–120, 124–125, 160, 178, 242, 244, 251, 265–267, 272, 388, 519]. Отметим также и приношения, несущие солярную символику (например, фрагмент чашки с графито в виде свастики на дне); вотивы (или фрагменты терракотовых статуэток) в форме рук, держащих шарообразные и круглые предметы; четырёхлучевые и восьмилучевые розетки [1, с. 30–31, 85, 99, 120, 127]. А.А. Масленников допускает, что в святилищах в определенной ситуации могли почитаться боги в их небесной ипостаси [1, с. 166]. В этой связи можно предположить, что отправлявшиеся в святилищах ритуалы были направлены не только на обеспечение плодородия, но и имели космический характер, направленный на упорядочение связи между мирами в контексте трёхчленной картины мира. С этой идеей согласуется и выбор мест для отправления ритуалов – сопки, возвышенные плато, соотносимые с понятием «горы». Гора в различных мифологических системах выступает в качестве наиболее распространённого варианта трансформации мирового древа, варианта мировой оси. Гора воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства, и выполняет функции моделирования вселенной. Вершина посвящена богам, низ – хтоническим силам. С этими особенностями соотносятся символ горы, как входа в нижний мир, и параллельный ему мотив входа в верхний мир [10, с. 150–153; 21, с. 311–314; 22, с. 152–154]. В сакральных реалиях Крымского Приазовья этот мотив перехода усиливают присутствие пещер, близкое расположение грязевых вулканов и источников с водой, насыщенной серными соединениями, как, например, в урочище Сююрташ (рис. 2, 3, 4), а также близость глубоких ущелий, как в урочище Куль-Тепе.

В различных религиозных практиках нередко создавались сооружения ритуального назначения, имитирующие форму горы и перенимающие особенности её структуры и символику её частей [21, с. 314]. Не исключено, что в данном

Рис. 2. Республика Крым. Ленинский район. Приазовье. Урочище Сююрташ с обозначением археологических и природных объектов, упомянутых в тексте: 1 – поселение Золотое – Восточное; 2 – поселение Золотое – Восточное в бухте; 3 – теменос на северном плато (раскоп 2006 г.); 4 – гора Большой Чобан; 5 – святилище с гротом (раскоп 1992, 2005–2006 гг.); 6 – 7 – объекты на северном склоне: дорога (?), зольник (раскоп 2006 г.); 8 – сопки грязевых вулканов и серные источники; 9 – гора Малый Чобан; 10–12 – объекты, обследованные в 2016 году; 13 – грот в бухте. Космосъемка

контексте близкую горе семантику имели зольные холмы. Зольники являются частью топографии сельских поселений Золотое – Восточное, Полянка, Сиреневая бухта, м. Зюк, Золотое, Андреевка Северная, Марфовка, Марьевка, Артезиан и др. Несмотря на широкий хронологический разброс (VI в. до н.э. – VI в. н.э.) и различия в размерах, расположении относительно центра поселения, зольники имеют ряд сходных черт, среди которых особенности стратиграфии, характер находок, долговременность функционирования насыпи. В качестве доказательства сакрального использования зольников обычно выдвигаются следующие аргументы: стратиграфические данные, наличие особых конструктивных элементов внутри насыпи (мостки, алтари, перевернутые вниз горлом амфоры и другие площадки для совершения возлияний и

жертвоприношений), специальная подготовка места для насыпи (выравнивание площадки под холм, выкладка камнями или промазка глиной, ограждение насыпи поставленными на ребро плитами или стенами-крепидами), находки культового характера [1, с. 406–457; 23, с. 54]. Привлекает внимание и выбор мест для сооружения некоторых насыпей – над расщелинами, естественными скальными провалами (зольник на мысе Зюк рубежа VI–V – конца первой трети III в. до н.э.; зольная насыпь вблизи основной застройки городища Бакланья скала конца IV – первой половины III в. до н.э.), по соседству с ущельями, глубокими оврагами (зольные холмы в урочище Куль-Тепе) [1, с. 414, 422–431], которые олицетворяли связь с подземным миром и хтоническими силами и могли рассматриваться как граница и переход между мирами. С темой пере-

Рис. 3. Республика Крым. Ленинский район. Приазовье. Общий вид на гору Большой Чобан (1) и Северное плато (2) с вершины Малый Чобан. Вид с запада. Фото

хода соотносится и ряд находок, кроме хтонических жертвенников, среди приношений присутствуют пряслица, ткацкие грузила. Адресаты таких приношений далеко не всегда поддаются точной персонификации. Наиболее представительна коллекция такого рода находок из зольника (II–VI вв. н.э.) на поселении Сиреневая бухта. В сочетании с приношениями, ассоциируемыми с темой плодородия (моделями фаллосов, votивными хлебцами), орудия прядения и ткачества несли идею взаимосвязи жизни – смерти, судьбы, рождения, а также нерасторжимой связи нижнего и верхнего миров и могли рассматриваться как «приношения-медиаторы». Как атрибуты, воплощавшие взаимосвязь земного и подземного (хтонического) миров, они усиливали идею перевоплощения жертвы при переходе её в иное качество и состояние в процессе жертвоприношения [23, с. 60–61]. С темой перехода между мирами можно рассматривать и имевшие апотропеическое значение преднамеренные захоронения собак («Генеральское – Западное») [1, с. 419, 442], которые в античном религиозном мировоззрении принадлежали одновременно двум мирам, упорядоченному, символизирующему жизнь, и нижнему, хтоническому, и считались проводниками в подземный

мир [24, с. 113–116; 25, с. 87]. Отправление такого рода обрядов было связано с идеей обеспечения незыблемости космического порядка.

Примечательным кажется и расположение сакральных комплексов (святилищ, а также зольников как в форме холмов, так и в форме сбросов) на побережье, на приморских мысах. В этом прослеживается не только следование религиозно-мифологическим традициям, но и мотив маркировки границ, в том числе и в символическом значении. В воззрениях древних море – амбивалентный символ. С одной стороны, море (водная стихия) олицетворяло порождение, было связано с плодородием и изобилием, рождающим лоном, воплощением женского начала и было эквивалентно земле [26, с. 240]. С другой стороны, море, являя собой рождение, изобилие, знаменовало и финал, выступая эквивалентом подземного, хтонического мира, хаоса. Символика вод включала в себя как смерть, так и возрождение. Хаос воды, предшествовавший сотворению, символизировал возвращение к аморфному состоянию, наступающему со смертью, возвращение к зачаточному виду существования. Появление на поверхности воды знаменовало собой повторение космогонического акта, в результате которого сущее обре-

Рис. 4. Республика Крым. Ленинский район. Приазовье. Урочище Сююрташ. Грифон грязевого вулкана. Вид с юга. Фото

тает форму, погружение равнозначно растворению форм [10, с. 229]. Кроме того в морской водной стихии заключен и мотив противопоставления воды животворящей, пресной, и нижней, солёной, непригодной ни для питья, ни для орошения [26, с. 240].

Приношения и атрибуты, связанные с морской стихией, фиксируются практически в каждом из открытых сельских святилищ. Это – подсыпки из раковин моллюсков кордиум и тапес на уровне полов, в заполнении жертвенников; встречаются вотивы в виде отдельных относительно крупных раковин мидий, устриц или кордиум, клешни крабов; морская галька, орудия рыболовного промысла – рыболовные крючки, костяные иглы для ремонта сетей, фрагменты рыбных блюд [1, с. 79, 99, 117, 124, 145, 160, 176, 201, 242, 251, 283, 295, 312, 356, 364, 373, 388, 411, 493]. В литературе атрибуты в виде раковин чаще всего соотносятся с культом Афродиты в ипостаси Анадиомены – хтонической богини, связанной с морской стихией [27, с. 55–56; 28, с. 34]. С образом этой богини, а также с темой акватической космологии, женской символикой наиболее тесно были связаны раковины двустворчатых моллюсков. Раковины ассоциировались с женской символикой, в силу

их уподобления женскому детородному органу и оказывались сопричастными магическим свойствам женской матки, выражая творческое рождающее женское начало. Благодаря своей животворной силе этот атрибут выступал в качестве воплощения идеи вселенского лона и был связан с темой рождения [10, с. 209–216]. Как морской обитатель, моллюск, а соответственно и раковина сохраняли свою символическую принадлежность нижнему миру, миру хаоса, с которым ассоциировалось море. С темой символики рождения, возрождения и плодородия связываются и находки в сакральных комплексах яйцевидной морской гальки. Присутствие среди приношений орудий труда рыболовного промысла, а также фрагментов рыбных блюд, с одной стороны, также соотносится с идеей изобилия, богатства, с другой стороны, как предметы, ассоциируемые с хозяйственной деятельностью человека, они могли заключать в себе идею преобразования, освоения, в данном случае, опасной, неупорядоченной морской стихии.

Таким образом, можно предположить, что локализация общественных сакральных комплексов, их соотнесение с примечательными природными объектами и ландшафтом определялись распространёнными среди сельского

населения архаическими представлениями о модели мира и необходимостью её воспроизведения в данном пространственно-временном континууме. В религиозных реалиях Крымского Приазовья природные объекты, отмеченные ритуальными действиями, и сопутствующие им сооружения выступали в качестве пограничных маркеров, символических «Центров» микрокосма, структурирующих пространство в его горизонтальном и вертикальном делении. Сакральные объекты, маркировавшие возвышенные плато морских мысов и сопки, а также гроты, расселины, ущелья наделялись функциями медиаторов, соединяющих мир неба, земли и хтоническую сферу, а также выступали в качестве пограничных маркеров в системе деления пространства в горизонтальной плоскости на обыденное, освоенное и неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания.

Примечание

Статья подготовлена по итогам выступления на Международной научной конференции «Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание» (XVI чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова). Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 16–17 ноября 2018 г.

Список литературы

1. Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. 564 с.
2. Супренков А.А. Назначение и хронология построек северо-восточной части эллинистического городища Сююрташ в Крымском Приазовье (по результатам работ ВКАЭ в 2010–2013 гг.) // Древности Боспора. Вып. 18. М., 2014. С. 376–398.
3. Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // Древности Боспора. Вып. 15. М., 2011. С. 228–247.
4. Кузина Н.В., Масленников А.А. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // Древности Боспора. Вып. 19. М., 2015. С. 213–226.
5. Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. М.; Тула, 2006. 152 с.
6. Блаватский В.Д. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове // Природа. 1977. № 8. С. 36–37.
7. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 304 с.
8. Масленников А.А. Сакральная практика сельского населения Европейского Боспора. Традиции и инновации // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., 2008. С. 98–105.
9. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
10. Элиаде М. Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символической / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова // Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 234–285.
12. Лебедева Ю.И. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 216–222.
13. Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // Древности Боспора. Вып. 15. М., 2011. С. 228–248.
14. Масленников А.А. О локальных геоморфологии, палеосейсмизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // Древности Боспора. Вып. 17. М., 2013. С. 232–254.
15. Русяева А.С. Отражение всеобщего кризиса III в. до н.э. в религиозной жизни эллинов Северного Причерноморья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды деградаций, катастроф: Сборник материалов конференции «Боспорские чтения». Вып. IV. Керчь, 2005.
16. Сапрыкин С.Ю. Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 85–93.
17. Семичева Е.А., Серёжко Т.А. «Свой – чужой» в представлениях древних греков о пространстве и человеке // Ирисиона. Античный мир и его наследие. Вып. 3. Белгород, 2006. С. 5–9.
18. Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии. М.: Госуд. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения, 1957. 620 с.
19. Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. 559 с.
20. Бондаренко М.Е. Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М.: МАКС Пресс, 2007. 248 с.
21. Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994. С. 311–315.
22. Элиаде М. Космос и история / Пер. с фр. и англ. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
23. Ковальчук А.В., Кузина Н.В. Орудия прядения и ткачества из зольника I у поселения «Сиреневая бухта» в Крымском Приазовье // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 54–63.
24. Молева Н.В. Собака в религиозных представлениях боспорян // Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 113–116.
25. Молева Н.В. Тандем «заяц–собака» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2017. С. 79–92.
26. Аверенцев С.С. Вода // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994. С. 240.
27. Молева Н.В. Орудия труда как votivные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2017. С. 61–67.
28. Грейвс Р. Мифы Древней Греции / Пер. с англ. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
29. Фадеева Т.М. Сакральные древности Крыма. Мифы, легенды, символы, имена и их отражение в искусстве. М.: Прогресс – Традиция, 2017. 384 с.

THE LANDSCAPE OF THE BOSPORAN CHORA IN THE CRIMEAN AZOV SEA REGION: SACRAL ASPECT

N.V. Kuzina

The subject of the paper is the perception of geographical space and natural objects of the Azov Sea coast area by inhabitants of ancient rural settlements. Nowadays, there are more than ten sacral objects in the territory of the Crimean Azov region that have been excavated. The localization of public sacral complexes and their correlation with remarkable natural objects was determined by rural population's ideas about the model of the world and the necessity to represent it in the given space-time continuum. Natural objects, marked with ritual actions and sacral constructions, were meant as boundary markers and symbolic Centers of the local microcosm, connecting links within space in its horizontal and vertical dimension. Sacral objects that marked the elevated plateaus of capes and hills, as well as grottoes, clefts, gorges, were endowed with functions of mediators connecting the world of the sky, earth and the chthonic sphere. They also acted as boundary markers in the system of space division in the horizontal plane that divided it into developed (ours) and undeveloped (alien) spaces, extending beyond the limits of human habitation.

Keywords: sanctuaries, Crimean Azov region, model of the world, Bosphorus, chora, topography, sacred space.

References

1. Maslennikov A.A. Sel'skie svyatilishcha Evropejskogo Bospora. Tula, 2007. 564 s.
2. Suprenkov A.A. Naznachenie i hronologiya postroek severo-vostochnoj chasti ehllinisticheskogo gorodishcha Syuyurtash v Krymskom Priazov'e (po rezul'tatam rabot VKAEh v 2010–2013 gg.) // *Drevnosti Bospora*. Vyp. 18. M., 2014. S. 376–398.
3. Maslennikov A.A., Kuzina N.V. Antichnoe svyatilishche na vershine bliz poseleniya Polyanka // *Drevnosti Bospora*. Vyp. 15. M., 2011. S. 228–247.
4. Kuzina N.V., Maslennikov A.A. «Novoe» svyatilishche na holme vblizi poseleniya «Polyanka» (raskopki 2012–2013 gg.) // *Drevnosti Bospora*. Vyp. 19. M., 2015. S. 213–226.
5. Maslennikov A.A. Antichnoe svyatilishche na Meotide. M.; Tula, 2006. 152 s.
6. Blavatskij V.D. Zemletryasenie 63 g. do n.eh. na Kerchenskom poluostrove // *Priroda*. 1977. № 8. S. 36–37.
7. Maslennikov A.A. Ehllinskaya hora na krayu Ojkumeny. Sel'skaya territoriya Evropejskogo Bospora v antichnuyu ehposu. M.: Indrik, 1998. 304 s.
8. Maslennikov A.A. Sakral'naya praktika sel'skogo naseleniya Evropejskogo Bospora. Tradicii i innovacii // *Bospor i Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu ehposu*. SPb., 2008. S. 98–105.
9. Ehliade M. Svyashchennoe i mirskoe / Per. s fr., predisl. i komment. N.K. Garbovskogo. M.: Izd-vo MGU, 1994. 144 s.
10. Ehliade M. Obrazy i simvol'y. Ehsse o magiko-religioznoj simvolike / Per. s fr. Yu.N. Stefanova // *Izbrannye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii; Obrazy i simvol'y; Svyashchennoe i mirskoe*. M.: Ladomir, 2000. 414 s.
11. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst // *Tekst: semantika i struktura*. M., 1983. S. 234–285.
12. Lebedeva Yu.I. Predstavleniya drevnih grekov o prostranstve i vremeni po poehmam «Iliada» i «Odiseya» // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2016. № 4. S. 216–222.
13. Maslennikov A.A., Kuzina N.V. Antichnoe svyatilishche na vershine bliz poseleniya Polyanka // *Drevnosti Bospora*. Vyp. 15. M., 2011. S. 228–248.
14. Maslennikov A.A. O lokal'nyh geomorfologii, paleoseizmizme i arheologii Krymskogo Priazov'ya ili po sledam drevnih zemletryasenij // *Drevnosti Bospora*. Vyp. 17. M., 2013. S. 232–254.
15. Rusyaeva A.S. Otrazhenie vseobshchego krizisa III v. do n.eh. v religioznoj zhizni ehllinov Severnogo Prichernomor'ya // *Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Periody destabilizacij, katastrof: Sbornik materialov konferencii «Bosporskie chteniya»*. Vyp. IV. Kerch', 2005.
16. Saprykin S.Yu. Prirodnye katastrofy i yavleniya v ideologii Mitridata Evpatora // *Vestnik drevnej istorii*. 1997. № 3. S. 85–93.
17. Semicheva E.A., Seryozhko T.A. «Svoj – chuzhoj» v predstavleniyah drevnih grekov o prostranstve i cheloveke // *Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie*. Vyp. 3. Belgorod, 2006. S. 5–9.
18. Losev A.F. Antichnaya mifologiya v eyo istoricheskom razvitii. M.: Gosud. uchebno-ped. izd-vo Min-va prosveshcheniya, 1957. 620 s.
19. Rusyaeva A.S. Religiya pontijskikh ehllinov v antichnuyu ehposu: Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpijskikh bogov i geroev. Kiev: Izdatel'skij dom «Stilos», 2005. 559 s.
20. Bondarenko M.E. Gosudarstvennye panteony drevnegrecheskikh polisov Severnogo Prichernomor'ya. M.: MAKSPress, 2007. 248 s.
21. Toporov V.N. Gora // *Mify narodov mira*. T. 1. M., 1994. S. 311–315.
22. Ehliade M. Kosmos i istoriya / Per. s fr. i angl. M.: Progress, 1987. 312 s.
23. Koval'chuk A.V., Kuzina N.V. Orudiya pryadeniya i tkachestva iz zol'nika I u poseleniya «Sirenovaya buhta» v Krymskom Priazov'e // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. № 5–6. 2015. S. 54–63.
24. Moleva N.V. Sobaka v religioznyh predstavleniyah bosporyan // *Moleva N.V. Ocherki sakral'noj zhizni Bospora*. N. Novgorod, 2002. S. 113–116.
25. Moleva N.V. Tandem «zayac–sobaka» v religioznom mirovozzrenii drevnih grekov // *Artefakty i sakral'noe v istorii Bospora*. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2017. S. 79–92.

26. Averencev S.S. Voda // Mify narodov mira. T. 1. M., 1994. S. 240.

27. Moleva N.V. Orudiya truda kak votivnye podnosheniya v Kitejskom svyatilishche // Artefakty i sakral'noe v istorii Bospora. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta, 2017. S. 61–67.

28. Grejvs R. Mify Drevnej Grecii / Per. s angl. A.A. Taho-Godi. M.: Progress, 1992. 624 s.

29. Fadeeva T.M. Sakral'nye drevnosti Kryma. Mify, legendy, simvoly, imena i ih otrazhenie v iskusstve. M.: Progress – Tradiciya, 2017. 384 s.